

Глава первая

Мне было пятнадцать лет, когда родители отправили меня в конный лагерь для девочек Йонахлосси. Лагерь находился внутри Дующей Скалы, скрытой в горах Голубого хребта в Северной Каролине. Можно было проехать возле самой расщелины, ведущей в лагерь, и ничего не заметить, если только не присматриваться, притом очень внимательно. Отец проехал мимо четыре раза, прежде чем я указала ему, где сворачивать.

Отец привез меня в Северную Каролину из Флориды на машине. Родители недостаточно мне доверяли, чтобы позволить проделать этот путь самостоятельно на поезде.

В последний день мы миновали предгорья и ехали по горным дорогам, что значительно замедляло наше продвижение. Дорога была очень узкой и казалась заброшенной. Она все время петляла и поворачивала под резкими и совершенно неожиданными углами.

Во время поездки отец почти не разговаривал. Он считал, что водитель должен все свое внимание сосредоточивать на дороге. Свою первую машину, «крайслер родстер», он купил пятью годами ранее, в 1925 году, так что вождение было для него скорее новшеством, чем привычкой. В первый вечер мы остановились в Атланте, и после того, как мы зарегистрировались в гостинице, отец попросил меня надеть красивое платье. Я выбрала шелковое платье лавандового цвета с заниженной талией и розочками

на плече. Еще я набросила на плечи мамин норковый палантин, который взяла с собой, невзирая на ее просьбу не делать этого. Когда я была маленькой, мне позволялось надевать этот палантин в особых случаях — на рождественский обед, пасхальный завтрак — и я привыкла считать этот мех своим. Но, надев теперь, я сочла его обузой. Он был слишком элегантен для меня, а я была для него слишком юной. Разумеется, дело было вовсе не в наряде, а в моем собственном теле, которое заставляло меня испытывать подобные ощущения. Я еще не привыкла к своей нежной груди, а моя походка и манера держаться выдавали во мне совсем незрелую девушку. Отец в своем сером костюме в тонкую полоску выглядел как обычно, не считая того, что в нагрудный карман пиджака он сунул носовой платок цвета лайма. Не современного ядовито-флуоресцентного оттенка. В то время мы ничего не знали о таких цветах. Нет, я имею в виду цвет настоящего лайма, яркий и нежный одновременно.

Перед тем как войти в ресторан, я взяла отца под руку, как это обычно делала мама, и он удивленно посмотрел на меня. Я улыбнулась, пытаюсь не расплакаться. Я продолжала лелеять надежду, что отец не оставит меня в Северной Каролине, что он задумал что-то другое. Мои глаза распухли после двух недель беспрерывного плача, а я знала, что отец не выносит слез.

Эти события происходили в самый разгар Великой депрессии, но моя семья тогда не пострадала. Отец был врачом, а люди всегда готовы расставаться с деньгами ради собственного здоровья. Кроме того, у нас был и семейный капитал, который мог бы выручить родителей в случае чего. Но это может произойти только когда пациенты отца настолько обеднеют, что не смогут оплатить его услуги даже фруктами из сада. Я столкнулась с последствиями Депрессии, уже вернувшись из Йонахлосси. Когда я уезжала, все было совершенно иначе.

Я редко покидала дом. Мы жили в крохотном городке в Центральной Флориде, названном в честь давно умершего индейского вождя. Поскольку кондиционеров у нас тогда не было

и в помине, летом даже в доме было невыносимо жарко. Зато зимы радовали свежестью и прохладой. Зимы там были просто идеальны, поэтому все мирились с летним зноем. Мы редко видели своих соседей, но дома у меня было все, в чем я нуждалась. У нас была тысяча акров собственной земли, и иногда я уезжала рано утром на своем пони, Саси, прихватив с собой только пакет с ланчем, и возвращалась к заходу солнца, к обеду, не встретив за целый день ни единого человека.

Я забыла упомянуть своего брата-близнеца Сэма. Он был для меня самым главным в жизни.

В ресторане отеля мы с отцом заказали бифштекс из вырезки и жареную свеклу. Главным украшением зала были высокие зеркальные окна от пола до потолка. Когда я попыталась выглянуть наружу, на тихую вечернюю улицу, я увидела лишь расплывчатое отражение неуклюжей девочки в платье лавандового цвета. Кроме нас там больше никого не было, и отец дважды похвалил мое платье.

— Ты выглядишь прелестно, Теа.

При рождении мне дали имя Теодора. Это традиционное для нашей семьи имя. Говорят, что его сократил Сэм, когда нам было по два года. Свекла была невкусной, и мне казалось, что я испачкала ею язык. Я ела и старалась не думать о том, что сейчас делает мой брат.

Отец снова сказал, что в лагере я буду ездить верхом каждый день, кроме воскресенья. Я его поблагодарила. Саси остался во Флориде, но я все равно его уже переросла. Сидя в седле, я задевала его локтем. Но сейчас мысли о моем хорошеньком, как будто раскрашенном, пони причиняли мне ужасную боль.

Мама всегда восхищалась мастью Саси, потому что его шкуру равномерно покрывали черные и белые пятна. Я вспоминала его глаза. Один глаз был синим, а второй — карим, что для лошадей не такая уж редкость. Если глаз окружала белая шерсть, он мог быть синим, а если черная, то карим.

Во время этого последнего совместного обеда мы почти не разговаривали. Я еще никогда не обедала наедине с отцом.

С мамой — да, несколько раз, и с Сэмом, конечно, тоже. Но с отцом это было впервые. Я не знала, что ему говорить. Ввиду того, что столько несчастий обрушилось на нашу семью, я вообще боялась раскрывать рот.

— Ты скоро вернешься домой, — сказал отец, когда нам подали кофе и крем-брюле. — После того, как все утрясется.

Настала моя очередь изумляться поведению отца. Я поспешно глотнула кофе и обожгла губы. Раньше мне позволяли только пробовать кофе из маминой чашки. Отец редко говорил о неприятностях какого бы то ни было рода. Возможно, именно поэтому я так мало знала о Депрессии.

Он улыбнулся мне своей доброй полуулыбкой, и я почувствовала, что мой взгляд теплеет. Когда улыбалась мама, становились видны все ее зубы. Ее лицо как будто светилось. Чтобы заметить улыбку отца, к нему необходимо было внимательно присматриваться. И сейчас эта улыбка означала, что, несмотря на все, что я сделала, он продолжает меня любить. Я хотела, чтобы он сказал мне, что все будет хорошо. Но отец не был лжецом. И я знала, что ничто и никогда уже не будет хорошо. Это было просто невозможно.

Ни одно свое жилище я не любила так, как наш первый дом, дом, где я родилась и где жила, пока не случилась эта беда. Вы можете отмахнуться от этих слов и сказать, что я была очень привязана не к дому, а к живущим там людям — маме, отцу и брату. И это действительно так, я и в самом деле их очень любила. Но я не могу вспомнить своих родных, не вспоминая сад, где они гуляли, застекленные террасы, где они любили читать, спальни, где они отдыхали. Я любила дом отдельно от моих близких. Я его знала, он знал меня, и мы находили друг в друге успокоение. Как ни абсурдно это звучит, но в нем была какая-то магия.

Не буду скрывать, мне было так же грустно расставаться с домом, как и со своей семьей. Я никогда не разлучалась с ним больше чем на несколько ночей и в глубине души знала, что, когда я вернусь, все будет иначе.

Я знала, что тоже стану другой. Когда родители встретили меня на вокзале в Орландо, к ним вышел совершенно новый человек.

Я покинула свой дом, свой очаровательный дом, и меня отвезли в лагерь Йонахлосси, анклав для богатых юных леди, в котором в ожидании замужества работали выпускницы этого же лагеря.

В лагере Йонахлосси я, как принято говорить, достигла своего совершеннолетия.

Но тогда я не знала об этом месте совершенно ничего, не считая того, что родители решили отправить меня туда, чтобы избавиться от необходимости меня видеть. Когда мы приехали, уже сгушались сумерки. Я всегда ненавидела это время суток. Оно какое-то чересчур тоскливое. Длинная усыпанная гравием дорога, над которой смыкались ветви огромных дубов, показалась мне бесконечной. Я подумала, что пройдет много недель, прежде чем я проделаю обратный путь.

Отец крепко сжимал руль и щурился, внимательно глядя на дорогу. Впрочем, он всегда был сосредоточен на том, что делал. Мы въехали на площадь (позже я узнаю, что она так и называется — Площадь), окруженную обшитыми березовыми досками домиками, и отец начал разворачиваться. Я огляделась, ожидая увидеть других девочек, но нигде никого не было. Я распахнула свою дверцу.

— Теа! — окликнула меня отец, но я не обратила на это внимания и выскочила наружу.

Земля под ногами была глинистой и нисколько не походила на иссушенную летним зноем почву Флориды. В воздухе пахло сыростью, но совсем не так, как возле океана. Во Флориде океан всегда близко, даже если до него несколько часов езды, как, например, от нашего дома. Здесь нас со всех сторон окружали горы.

Я всматривалась в здание, перед которым мы остановились, пока отец возился с машиной. Он ни за что бы ее не оставил, не убедившись, что все сделано как положено. Даже сейчас.